

АРХЕОЛОГИЯ

И. В. Исланова

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ I ТЫС. Н. Э. ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ВАЛДАЯ

Обширная археологическая литература о древностях VI–IX в. на территориях, на которых позднее сложились Новгородская, Смоленская и Ростово-Суздальская земли, остается малопроницаемой для современного историка. Причем по мере совершенствования исследовательских инструментариев историков и археологов степень подобной проницаемости лишь уменьшается. Что мы можем узнать посредством археологических источников об этнокультурном облике людей, которые были «установлены» в погосты княгиней Ольгой? Сегодня мы лишь начинаем получать ответы на подобные вопросы¹. Между тем ход славянского расселения в каждом конкретном регионе в раннесредневековую эпоху, этнокультурные процессы и истоки культурных традиций древнерусского периода нельзя исследовать без привлечения археологических материалов I тыс. н. э. В связи с этим представляется, что предлагаемые ниже наблюдения, основанные на результатах многолетних исследований автора на Валдае и в Верхневолжье, могут послужить расширению трансдисциплинарного диалога.

Анализируемая территория представляет собой обширный участок лесной зоны Восточной Европы от Валдайской возвышенности на западе до правобережья Верхней Волги (меридиональное течение) на востоке. Указанная область делится на два крупных региона: западный Валдайский — бассейн Мсты, верховья Тверцы, Верхневолжские озера, Мстинско-Моложское междуречье и среднее течение реки Мологи и восточный Верхневолжский — течение реки Волги (без правобережных притоков) от пос. Селижарово до впадения реки Мологи.

Во 2-й пол. I тыс. до н. э. — 1-й пол. I тыс. н. э. эта территория, по мнению большинства исследователей, была занята дьяковской археологической культурой или близкими ей в культурном отношении древностями, которые исследовались в основном в XIX и XX в. (Рис. 1).

К. А. Смирнов включал в ареал дьяковских древностей верховья рек Полы и Западной Двины и западную часть Волго-Окского междуречья². В 80–90-х годах XX в. при исследовании памятников Молого-Шекснинского междуречья были выявлены древности раннего железного

¹ Археология северорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения на Кубенском озере. В 3 т. / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2007. Т. 1; М., 2008. Т. 2; М., 2009. Т. 3. У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Отв. ред. В. Л. Янин. Вып. 1 / Составители В. Я. Конецкий, А. Ю. Иванов. Любытино, 2002.

² Смирнов К. А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974. Табл. X.

века, схожие с дьяковскими только на их раннедьяковском этапе³. Это позволяет для 2-й пол. I тыс. н. э. также включить этот участок в дьяковскую территорию.

Существенно меньший ареал дьяковской культуры очерчен И. Г. Розенфельдт. В него были включены только хорошо изученные к кон. 70-х годов XX в. регионы: западная часть Волго-Окского междуречья и примыкающий к ней участок Верхнего Поволжья⁴. Характерно, что в дьяковскую зону не вошли территории с озерами Неро и Плещеево, где неясен характер памятников 1-й пол. I тыс. н. э. Действительно, за исключением побережья оз. Плещеево, здесь неизвестны находки грузиков дьякова типа, одного из основных маркеров дьяковской культуры. За пределами ареала остался и Валдайский район. Однако полученный здесь во 2-й пол. XX — нач. XXI в. археологический материал, вполне укладывается в общую схему развития дьяковских древностей⁵.

На современном этапе изучения древностей определенно можно говорить о существовавших территориальных группах поселений. Однако каждый исследователь предлагает свою группировку памятников. На территории современной Тверской области выделено три (первоначально пять) микрорайона с памятниками раннего железного века; причем северный и юго-восточный микрорайоны до I—II в. н. э. определены как локальные варианты дьяковской культуры⁶. В. И. Вишневым вычленено пять локальных вариантов познедьяковских объектов: Московско-Окский, Тверской, Ярославский, Моложский и Белозерско-Судский⁷. На пять территориальных групп поделены известные памятники мною: Москворецкую, Верхневолжскую, Валдайскую, Молого-Шекснинскую, Водораздельную⁸.

Несомненно, что для дальнейшего изучения древностей раннего железного века требуется дифференциация огромного дьяковского массива на отдельные микрорегионы (группы), с учетом разных хронологических периодов, т. е. выделение культурно-хронологических групп памятников. Такой «инструмент» археологического изучения успешно применяется, например, для раннесредневековых древностей Верхнего Подвинья и Поднепровья⁹. Определенные культурные различия отмечены между памятниками верхнего и среднего течения р. Москвы, с одной стороны, и нижнего — с другой¹⁰. Обособленно выглядит коломенская раннедьяковская локальная группа¹¹. Особые культурно-хронологические локальные группы выделены к настоящему времени в верховьях Волги для кон. I тыс. до н. э. — нач. I тыс. н. э. (памятники типа Беседы) и на территории Валдайской возвышенности для 1-й пол. I тыс. н. э. (памятники типа Варварина Гора)¹².

³ Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. // Проблемы истории северо-запада Руси. СПб., 1995.

⁴ Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. Рис. 48.

⁵ Буров В. А. Городище Варварина Гора. Поселение I—V и XI—XVI веков на юге Новгородской земли. М., 2003; Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 10—20.

⁶ Максимов А. Д. О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 362.

⁷ Вишневикий В. И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье VIII—VII вв. до н. э. — VII—VIII вв. н. э. Дисс. канд. ист. наук. М., 1991 // Архив ИА РАН. Р-2. № 2486. С. 40.

⁸ Исланова И. В. О локальных группах дьяковских поселений // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 452—453.

⁹ Лопатин Н. В., Фурасев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III—V веках н. э. М., 2007. С. 66—67.

¹⁰ Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 2011. С. 222—223.

¹¹ Сыроватко А. С. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М., 2009.

¹² Исланова И. В. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М., 2007. С. 306—307; *Ее же*. Памятники типа Беседы на Верхней Волге // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. М., 2010. С. 90—111.

Актуальной остается разработка периодизации дьяковских древностей. Большинство исследователей при общей характеристике объектов продолжают использовать периодизацию К. А. Смирнова¹³ или опираются на явно завышенные датировки И. Г. Розенфельдт¹⁴. Крупномасштабные полевые исследования во 2-й пол. XX — нач. XXI в. подтвердили правомерность выделения П. Н. Третьяковым двух крупных этапов: раннедьяковского и позднедьяковского¹⁵. В настоящее время наиболее обоснованной представляется хронологическая шкала Н. А. Кренке, построенная на результатах анализа археологических материалов и данных, полученных при применении естественнонаучных методов¹⁶.

Несомненно, хронологическим и культурным рубежом между раннедьяковскими и позднедьяковскими памятниками явилось прекращение употребления сетчатой посуды. По К. А. Смирнову, это происходит в III в. н. э.¹⁷ По Н. А. Кренке, исчезновение массового бытования сетчатой керамики в центральных районах распространения дьяковских памятников произошло во II—I в. до н. э. Затем фиксируется эпизодическое попадание сюда сетчатой посуды с периферийных территорий, где она могла еще изготавливаться¹⁸.

Следующий рубеж культурных трансформаций приходится на II—III в. н. э., когда появляются лощеная и подлощенная посуда, многочисленные импортные вещи из южных и юго-западных районов. Прекращение существования поселений в разных регионах дьяковской культуры различно. Затухание жизни на памятниках Москворечья, по Н. А. Кренке, фиксируется в VI—VII в. н. э.¹⁹ Аналогичная ситуация, видимо, была и в Верхнем Поволжье. Судя по находкам керамического материала, на завершающей фазе существования верхневолжских позднедьяковских древностей происходило проникновение нового населения, предположительно из ареала колочинской или пражской культур²⁰.

Существенным тормозом в решении серии вопросов, связанных с памятниками дьякова типа рассматриваемой местности, является отсутствие погребальных комплексов на анализируемой территории. Погребальный характер двух опубликованных объектов: сгоревшей постройки на городище Березняки и «кратковременного... комплекса» на городище Орлов Городок — вызывает сомнения²¹. Однако погребения в грунтовых ямках по обряду сожжения известны для раннедьяковского времени на селище Дунино 4 в Подмосковье²² и в регионах, лежащих севернее и восточнее, — в Молого-Шекснинском междуречье²³. Для позднедьяковского времени известны «домик мертвых» под Звенигородом²⁴ и могильник с поверхностными захоронениями по обряду кремации²⁵. Не исключено, что выявление схожих погребальных объектов следует ожидать в Верхнем Поволжье и Волжско-Мстинском междуречье.

¹³ Смирнов К. А. Дьяковская культура. С. 78–79.

¹⁴ Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры. С. 112–123; *Ее же*. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982. С. 173–177.

¹⁵ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966. С. 146.

¹⁶ Кренке Н. А. Дьяково городище. С. 144–145, 231–232.

¹⁷ Смирнов К. А. Дьяковская культура. С. 79.

¹⁸ Кренке Н. А. Дьяково городище. С. 222.

¹⁹ Там же. С. 143, 224–225.

²⁰ Исланова И. В. Верхневолжье и Валдай. Рис. 21: 1–5; *Ее же*. Городище Отмичи. М., 2008. Рис. 165.

²¹ Леонтьев А. Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 227, 231; Максимов А. Д. О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области. С. 360.

²² Кренке Н. А. Дьяково городище. С. 213–214.

²³ Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. С. 7–20.

²⁴ Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

²⁵ Вишневецкий В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // Российская археология. 2007. № 2. С. 89–107.

В то время как в Верхнем Поволжье и Москворечье еще существуют дьяковские памятники, в Валдайском районе в сер. I тыс. н. э. происходит культурная трансформация: появляются памятники так называемой культуры псковских длинных курганов. Характерно, что поселения и могильники этой культуры зафиксированы в тех же микрорегионах, что и предшествовавшие древности.

Древности этой культуры фиксируются на обширной территории: от среднего течения Западной Двины до Средней Мологи (Рис. 2). Общими для всего ареала являются наличие в курганных могильниках удлиненных насыпей и определенная ландшафтная приуроченность памятников.

Вполне вероятно, что дальнейшие исследования позволят выделить из массива культуры псковских длинных курганов серию локальных или самостоятельных групп. В настоящее время на основании некоторых различий в погребальном инвентаре исследователи выделяют западную, восточную и южную области для этих памятников²⁶. Для Валдайского региона, как и для смежного с ним Молого-Шекснинского, удлиненные насыпи не являются господствующей формой курганов. Здесь достаточно много курганов иных форм: подпрямоугольных, округлых и крупных сопковидных²⁷.

Дискуссионным остается вопрос, связанный с появлением обряда сооружения курганных насыпей на анализируемой территории. В 70–80-е годы XX в. большинство исследователей склонялось к версии появления курганного обряда без внешнего воздействия — в процессе перехода от захоронений в грунтовых ямках²⁸.

Крупномасштабные работы в Молого-Шекснинском междуречье, частично входящем в сер. — 3-й четв. I тыс. н. э. в ареал культуры псковских длинных курганов, позволяют предположить одну из исходных территорий возникновения курганной традиции. Дело в том, что здесь исследована серия погребальных памятников, в которых курганы сооружаются уже в нач. I тыс. н. э., а сопковидные насыпи — в кон. 1-й пол. I тыс. н. э. Параллельно с курганами в тех же комплексах совершаются и грунтовые погребения, и захоронения в наземных срубках — так называемых домиках мертвых²⁹.

В Валдайском и Селигерском регионах известна традиция возведения погребальных прямоугольных деревянных конструкций, но только под курганной насыпью³⁰. Вопрос об истоках этой традиции сооружения собственно курганных насыпей остается открытым. Заимствование из Молого-Шекснинского междуречья возможно, а погребальные конструкции соорудило и местное «докурганное» население.

Наличие высоких сопковидных курганов (с диаметром основания до 40 м и высотой до 4 м) в могильниках культуры псковских длинных курганов может указывать еще на один регион-донор, лежащий юго-восточнее. В свое время П. Н. Третьяковым была выдвинута гипотеза, поддержанная Е. Н. Носовым и Г. С. Лебедевым, о появлении традиции возведения сопков из ареала мощинской культуры (расположенного в бассейне верхней Оки)³¹. В пользу этого предположения могут свидетельствовать обнаруженные фрагменты керамики мощинского круга

²⁶ Михайлова Е. Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. АКД. СПб., 2009. С. 11.

²⁷ Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006. С. 34.

²⁸ Седов В. В. Древнерусская народность. М., 1999. С. 121–122.

²⁹ Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. С. 12–14.

³⁰ Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. С. 46–49; Олейников О. М. Раскопки курганной группы Гринино-1 и Гринино-2. Тверская область. Осташковский район // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. Вып. 6/н. С. 39–41.

³¹ Исланова И. В. Древности V–VIII вв. бассейна верхней Мсты // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3. С. 82.

в могильниках и на поселениях культуры псковских длинных курганов³² и существовавшее в IV–VI в. в Удомельском Поозерье селище Троица 1 исключительно с находками фрагментов посуды мощинского типа³³.

Еще одна возможная территория-донор, на которую указывают В. В. Седов и Н. В. Лопатин, — это ареал восточнолитовских курганов³⁴.

В тесной связи с проблемой истоков курганной обрядности находится дискуссионный вопрос об этнокультурной принадлежности памятников культуры псковских длинных курганов. В литературе доминируют две версии: 1) основное население культуры псковских длинных курганов — пришлые славяне, а в обряде погребальных памятников отразились происходившие интеграционные процессы, связанные со славянизацией местных балтского и прибалтийско-финского населения; 2) культура псковских длинных курганов оставлена местным населением. При этом этнокультурная принадлежность «аборигенных» жителей зависела от региона — это были или балты, или прибалтийские финны³⁵. Первая гипотеза, обоснованная В. В. Седовым, господствует среди большинства исследователей раннесредневековых древностей. Вторая — последовательно и аргументированно отстаивается В. Я. Конецким³⁶. Размытую этнокультурную картину дополняет слабо разработанная хронологическая шкала для этих древностей, не позволяющая корректно проводить сравнение признаков обряда памятников даже одних и тех же регионов.

Вне всякого сомнения, существенную роль при решении этнокультурных вопросов сыграют материалы, полученные при раскопках поселений, исследование которых находится в самой начальной стадии³⁷. Отсутствие достаточных материалов не позволяет конкретизировать время прекращения сооружения насыпей культуры псковских длинных курганов в Валдайском районе. Финальный этап существования культуры псковских длинных курганов на периферийных участках ареала Е. Р. Михайлова датирует IX — нач. XI в.³⁸

Необходимо остановиться и на особой ландшафтной и почвенной приуроченности памятников культуры псковских длинных курганов. Поселения и могильники расположены вблизи рек и озер, в местности, образовавшейся при отступлении последнего ледника: с песчаными почвами, с озовыми грядами, занятыми в настоящее время сосновыми лесами. Такая почвенная ситуация фиксируется в виде отдельных пятен. Объекты культуры псковских длинных курганов расположены на песчаных почвах в виде скоплений — микрорегионов. При анализе размещения памятников культур сопки и псковских длинных курганов В. Я. Конецкий обратил внимание на их чересполосное размещение. Первые занимали участки с плодородными аллювиальными почвами, благоприятными для пашенного земледелия, а вторые — с песчаными, удобными для подсечного земледелия³⁹. Однако сопки и длинные курганы существовали в разные временные периоды.

В кон. XX в. в Валдайском регионе были выявлены памятники, существовавшие «параллельно» с культурой псковских длинных курганов. В их материальной культуре

³² Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. Рис. 61: 8; 83: 2; 84: 2; 90: 2.

³³ Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 16–19. Рис. 90; 91: 1–4.

³⁴ Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. — Раннеславянский мир. М., 2007. Вып. 9. С. 284.

³⁵ Седов В. В. Древнерусская народность. С. 122–126.

³⁶ Конецкий В. Я. Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе: итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 266.

³⁷ Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. С. 66–75; Попов С. Г. Раннесредневековая система расселения на средней Плюссе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы 54 заседания. Псков, 2009. С. 218–234.

³⁸ Михайлова Е. Р. Культура псковских длинных курганов. С. 12.

³⁹ Конецкий В. Я. Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе. С. 259.

ведущую роль играли раннеславянские элементы. Традиция возведения погребальных насыпей отсутствовала. Поселения и могильник, обнаруженные и исследованные в Удомельском Поозерье, получили наименование «древности удомельского типа»⁴⁰. Близкие, но не идентичные по керамическому набору поселения (Леонтьево, Борисково, Пашино) на оз. Мстино отнесены к мстинской группе раннеславянских памятников. Подобные древности, расположенные не на песчаных почвах и не имеющие курганных могильников, выявляемые в разных микрорегионах, предлагаем суммарно именовать предсопочными (термин употреблен В. Я. Конецким⁴¹).

Выделенная в настоящее время серия раннесредневековых (и, видимо, раннеславянских) поселений в верховьях р. Волги названа по эпонимному поселению — памятники типа Подол⁴². Употребление термина «предсопочные памятники, памятники удомельского типа» для этих объектов неправомерно, так как в их ареале неизвестны последующие древности культуры сопок.

При сопоставлении материалов с перечисленных памятников с древностями культуры псковских длинных курганов фиксируются не только различия в керамическом и вещевом наборах, в погребальном обряде и элементах домостроительства, но и разные хозяйственные приоритеты населения. Все это позволяет говорить о существовавшей в 3-й четв. I тыс. н. э. в лесной зоне Восточной Европы «культурной чересполосице», которая не исключала контакты между разными группами населения.

В кон. I тыс. н. э. в Верхнем Помостье и на левобережных притоках Верхней Волги распространяются памятники культуры сопок, а в нач. II тыс. н. э. эта территория становится составной частью Новгородской земли. Сопоставление археологических материалов разных культурных эпох (керамика, вещи, конструкция жилищ) позволяет говорить об определенной преемственности между культурой населения, оставившего предсопочные памятники, и культурой сопок. Последнюю фактически можно считать начальным этапом древнерусского периода. При этом нельзя также исключать определенных импульсов с территорий Приильменя и Поволжья⁴³, например, появление керамики «ладожского типа», ножей, изготовленных в технике трехслойного пакета, многочисленных импортных стеклянных украшений.

Наиболее сложным и слабо разработанным является вопрос о славянском расселении в Верхнем Поволжье. Как ни странно, здесь остаются неизученными древности VIII—IX в. н. э. Выявлены единичные поселения, которые по находкам невыразительных фрагментов лепной посуды можно суммарно датировать 2-й пол. I тыс. н. э. Анализ керамической коллекции с селища Избрижье позволил вычлениить серию находок, близких керамике культуры смоленских длинных курганов⁴⁴. На этом основании можно предполагать появление в посл. четв. I тыс. н. э. населения из Верхнего Поднепровья — видимо, летописных кривичей.

Актуальной остается проблема археологических источников, так как все гипотезы и предположения опираются на материалы, полученные в результате полевых работ. Существует явная диспропорция в источниковых базах разных регионов. Известны и изучались поселения 1-й пол. и 3-й четв. I тыс. н. э. в Верхнем Поволжье и 1-й пол. I тыс. н. э. в Валдайском регионе, но не выявлены погребальные памятники. Имеется серия материалов по исследованным

---

⁴⁰ Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. С. 126—127.

⁴¹ Конецкий В. Я. Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе. С. 263, 267.

⁴² Исланова И. В. Культурные группы середины — третьей четверти I тыс. н. э. лесной зоны Восточной Европы (по материалам Верхневолжья и Валдая) // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 41—42.

⁴³ Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. С. 128—129.

⁴⁴ Исланова И. В. Позднеладьяковская и раннесредневековая керамика поселения Избрижье (По материалам раскопок 1976—1978 и 1992 годов) // Вестник Тверского государственного университета. 2008. № 15 (75). С. 77—111.

погребальным памятникам 2-й пол. I тыс. н. э. Валдайского региона, но почти не изучались поселения этого периода.

Представляется, что детальное изучение отдельных микрорегионов на рассматриваемой территории все же приведет к выявлению погребальных объектов 1-й пол. I тыс. н. э. и новых предсопочных памятников и памятников типа Подол. Отдельного внимания требуют целенаправленные поиски раннесредневековых поселений и могильников на Верхней Волге. Не исключено, что напластования этой эпохи в основном залегают под аллювиальными отложениями высокой поймы.

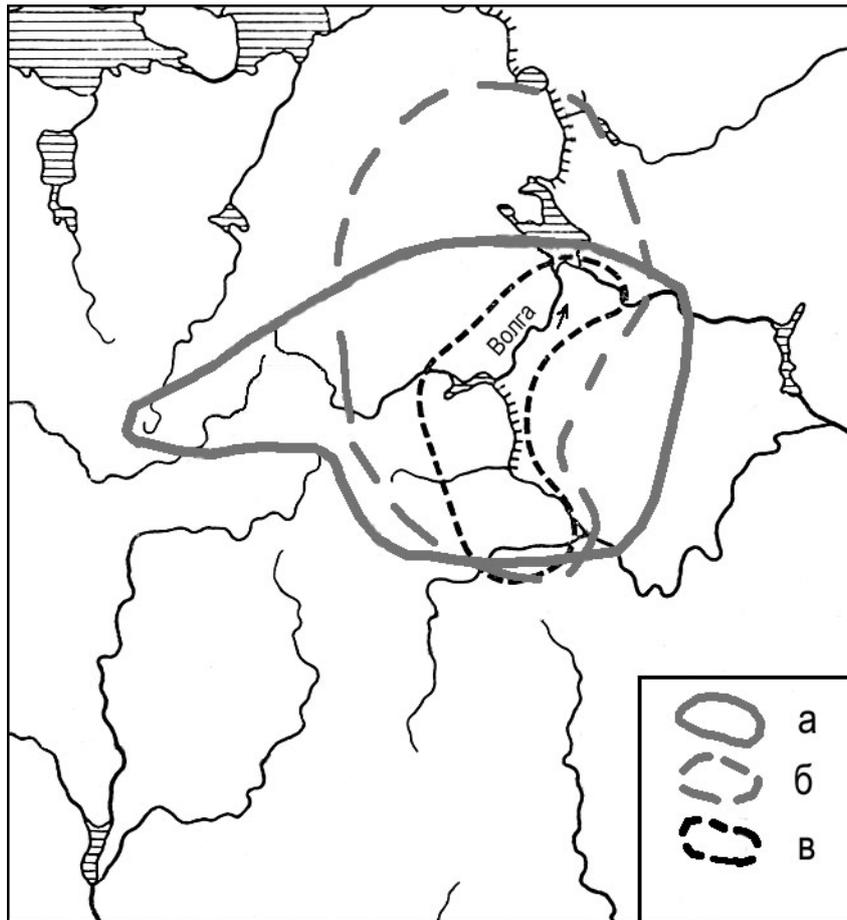

Рис. 1. Дьяковские древности в лесной зоне
Восточной Европы

- а — ареал дьяковской культуры по К. А. Смирнову,
б — ареал дьяковской культуры по И. Г. Розенфельдт,
в — ареал раннедьяковских памятников по И. В. Ислановой.

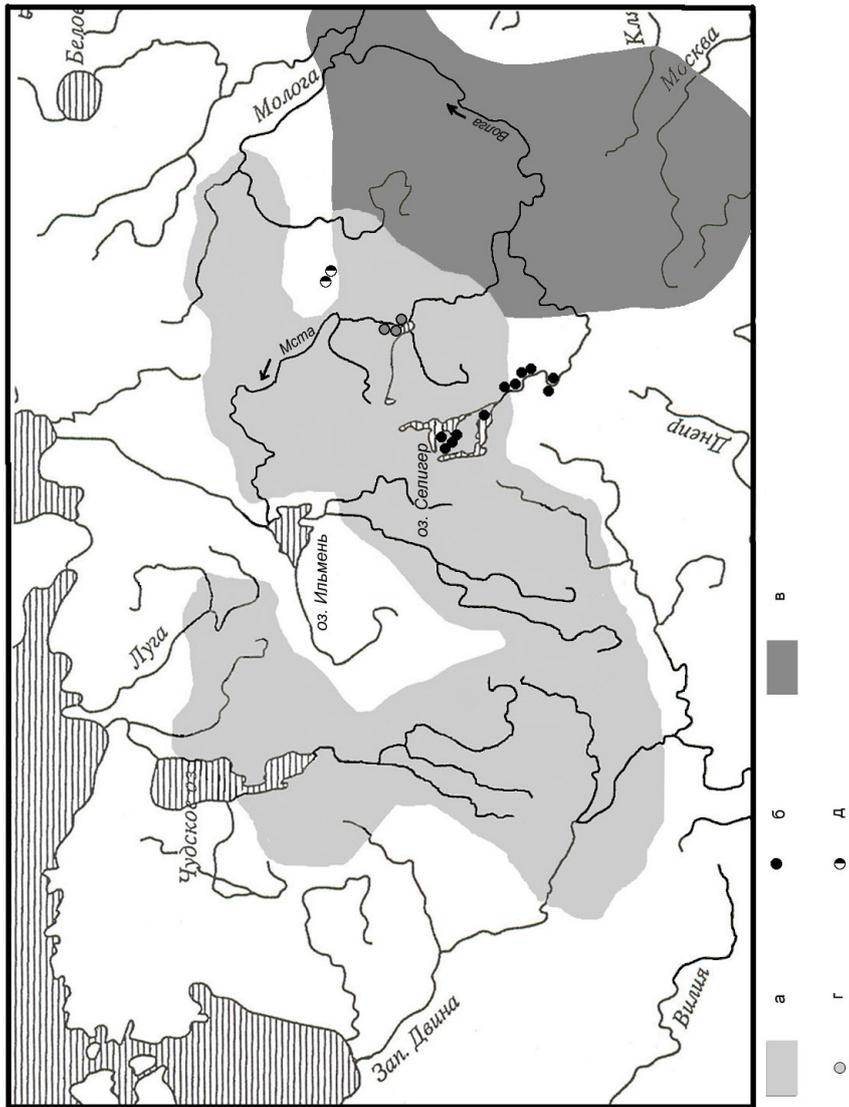

Рис. 2. Древности в раннесредневековую эпоху на Валдае и Верхней Волге
а — ареал культуры псковских длинных курганов,
б — поселения типа Подол, в — ареал позднейяковской культуры,
г — поселения мстинской группы, д — памятники удомельского типа.

